

История религий

Крупянко А.А., Табарев А.В.

РАННИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ РИТУАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КУЛЬТУРАХ КАМЕННОГО ВЕКА ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

Аннотация. В 2005 г. в сборнике «Искусство и ритуал ледниковой эпохи» авторы настоящей статьи опубликовали работу «Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья». За прошедшее время сюжет получил дополнительную аргументацию в материалах древних культур Тихоокеанского бассейна (Японский архипелаг, Калифорния), что позволяет расширить интерпретацию этих оригинальных комплексов от обрывочных свидетельств ритуала до проявлений ритуально-символической деятельности с использованием высокотехнологичных изделий и природных феноменов. Таким образом, статья является переработанным и расширенным вариантом публикации 2005 г.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморье, финальный палеолит, духовная культура, ритуально-символические комплексы, археологический контекст, бифасы, шестигранники.

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», Направление 1. Проект «Особенности социогенеза в древних культурах Тихоокеанского бассейна» и в рамках госзадания Минобрнауки РФ на 2012-2014 гг. 2256.2011 по теме НИР «Исторический опыт взаимодействия культур и цивилизаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Устиновско-суворовская группа стоянок и мастерских в среднем течении р. Зеркальная (восточный фас Сихотэ-Алиня, Приморье (рис. 1), давшая название устиновской индустрии, исследуется специалистами уже почти 60 лет. За это время накоплен огромный археологический материал, позволивший детально изучить каменный инструментарий и вкюпе с данными по топографии стоянок, стратиграфии, геоморфологии, палинологии и палеогеографии предложить развернутую интерпретацию экономики и хозяйства финальнопалеолитического населения территории.

Для Дальневосточного региона (Приморье, Приамурье, Сахалин, Японский архипелаг) поиск предметов древнего искусства и ритуально-символической деятельности осложняется высокой кислотностью почв, полностью разрушающей органику. Археологические контексты, в которых органика (кость, рог, ракушка, дерево, растительные волокна и др.) сохраняется, единичны.

Для периода финального плейстоцена – раннего голоцена (по археологической шкале финальный палеолит – мезолит – ранний неолит) эта проблема стоит особенно остро. Археологический материал представлен, за редким исключением, артефактами из каменного сырья. Практически до середины 1990-х гг. дискуссия о палеолитическом искусстве в Приморье (в первую очередь применительно к устиновской индустрии, датированной

авторами 16-9 тыс. лет назад) шла вокруг десятка ретушированных зооморфных фигурок и обломков мягкого камня с гравировкой¹. Серию совершенно новых источников для реконструкции духовной сферы жизни устиновцев открыла неожиданная находка на стоянке Суворово-VI в 1993 г.

Рис. 1. Приморский край. Месторасположение археологических памятников.

Памятник Суворово-VI обнаружен в 1990 г. и раскапывался в течение 1990-1993, 1996 гг. Археологический материал представлен двумя четко разделяющимися комплексами – эпохи раннего палеометалла и финального палеолита. Во время разборки нижнего культуросодержащего горизонта было обнаружено крупное (18 см длиной) бифасиально обработанное изделие (рис. 2).

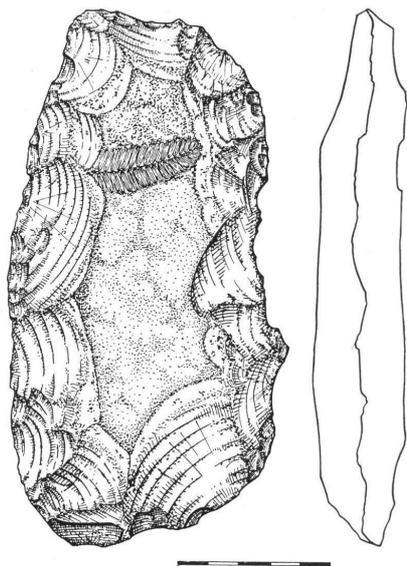

Рис. 2. Памятник Суворово-VI. «Floral Print» на бифасе.

При обработке одного из фасов древним человеком был тщательно сохранен участок плитчатой корки с отпечатком листа, похожего на современный папоротник². Этот пример своеобразного флористического «палеодизайна» (floral print), вписанного в контекст бифаса, представляется весьма примечательным.

Бифас – высокотехнологичная форма диалога между древним мастером и сырьем. Бифасиальная обработка сырьевой конкреции позволяет определить качество сырья, его технологические возможности, выявить внутренние дефекты, подготовить для дальнейшего использования в виде нуклеуса или заготовки различные инструменты. Бифас – некий вневременной технологической фено-

менное явление. Бифас – это не просто инструмент, это результат взаимодействия человека и природы, это диалог между мастером и сырьем, это искусство обработки камня. Бифас – это искусство, это творчество, это искусство диалога между человеком и природой. Бифас – это искусство, это творчество, это искусство диалога между человеком и природой.

мен³. Наличие в каменных индустриях тщательно обработанных и разнообразных по морфологии бифасов – достаточное свидетельство высокого технического уровня мастеров. С другой стороны, бифас – не только маркер технологического характера. Бифас (бифасиальный нуклеус-заготовка, наконечник, орудие и др.) – предмет и атрибут ритуала одновременно.

Суворовская находка, по нашему мнению, – уникальнейший экземпляр подобной *ритуализации* бифаса. Единственная аналогия ей отыскалась в Норфолке (Англия) – ашельское рубило с отпечатком створки ракушки⁴. Следует отметить, что при раскопках памятника Суворово-VI, кроме описанного бифаса, найдено еще несколько сколов с отпечатками растений, но без каких-либо следов вторичной обработки.

Использование бифасов в качестве ритуальных ножей, подвесок, жезлов, денег, танцевальных принадлежностей, основного составляющего наборов-кладов и т.д. прослеживается по самым различным индустриям, культурам и регионам мира. Наиболее эффектное проявление этого ритуала зафиксированы, например, в «танцах с обсидиановыми бифасами» у ряда индейских племен северо-западной части Калифорнии⁵.

Местонахождение Устиновка-IV известно с 1960-х гг., с начала 80-х на нем с перерывами велись широкомасштабные стационарные исследования под руководством В.И. Дьякова. В ходе исследований было вскрыто 1520 м² культуросодержащих отложений и получена представительная коллекция финальнопалеолитических артефактов с незначительной примесью предметов эпохи бронзы и средневековья.

В 1997 г. появилась публикация В.И. Дьякова на английском языке о раскопках стоянки Устиновка-IV, где он впервые упомянул о необычном межжилищном комплексе из 7 бифасов, сгруппированных на площадке вокруг одного, наиболее крупного и установленного вертикально⁶. На русском языке описание комплекса содержалось в автореферате докторской диссертации В.И. Дьякова в 1999 г.⁷, а в развернутой форме и с иллюстративным материалом – в монографии о раннем голоцене Приморья, изданной год спустя⁸. В окончательной версии описание комплекса выглядит так: «...Обратим внимание на уникальный комплекс, выделенный на четырех смежных квадратах З-Ж/7-8, преимущественно в центре этого микроучастка. Здесь в компактном залегании обнаружено восемь бифасов овальной, иволистной, миндалевидной формы... Семь целых бифасов занимали площадь 0,3 × 0,3 м, в центре которой, вертикально, более острым концом вниз, располагался наиболее крупный из них (10,3 см), условно названный асимметрично-ромбическим⁷. Для закрепления его в таком положении, судя по нивелировочным отметкам, был насыпан миниатюрный холмик высотой 6 см...».

Комплекс, по данным В.И. Дьякова, сопровождается также другими выразительными находками – рассеянным бифасом, скобелем, проколкой, пластинами, дебитажем. Бифасы, действительно, расположены в особом порядке вокруг самого крупного, который ориентирован вертикально. Для его фиксации (по мнению автора раскопок) был использован «холмик», который выполняет и конструктивную, и символическую роль. Несмотря на то, что по приводимым автором иллюстрациям неясно, в каком именно порядке располагались артефакты, вполне возможно, что между бифасами, составляющими комплекс, есть связь технологического (последовательные стадии обработки), цветового или сырьевого характера. Доказать это без специального визуального анализа, лишь на основании иллюстраций затруднительно.

Наше отношение к столь неординарному для всего Дальневосточного региона комплексу могло быть более осторожным, если бы не еще одна любопытнейшая находка, сделанная на памятнике Суворово-IV как раз в промежутке между первой публикацией о комплексе из бифасов на Устиновке-IV в 1997 г. и его последующим описанием в 1999-2000 гг.

Памятник был открыт в 1985 г. и стационарно исследовался в рамках двух циклов – 1988–1990 гг. и 1997–2000 гг. Общая вскрытая площадь составляет 350 м², а коллекция артефактов, относимых к периоду финального палеолита, насчитывает 13288 единиц⁹.

В конце июля 1999 г. при разборке южного сектора раскопа в нижней части культуросодержащих отложений был обнаружен шестигранный каменный «стержень», помещенный под углом около 60° между небольшими валунами элювиального цоколя (рис. 3, 4).

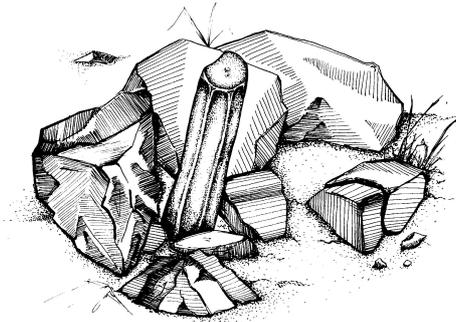

Рис. 3. Памятник Суворово-IV. Расположение шестигранника (прорисовка по фотографии). Северо-восточная экспозиция.

Рис. 4. Памятник Суворово-IV. Фото комплекса.

Его длина 245 мм, а ширина граней соответственно 21–30–19–31–23–16 мм (рис. 5).

Вокруг шестигранника явно фиксируется повышенная концентрация морфологически выраженных находок, что может быть интерпретировано как рабочая площадка. Именно здесь обнаружен микронуклеус с лыжевидным сколом, фрагменты бифасов, скребки, резец. В 80-85 см от шестигранника на юг обнаружен небольшой производственный комплекс, который был связан с раскалыванием крупной конкреции желто-коричневого кремнистого сланца. Здесь найдены несколько тестированных нуклеидных преформ, крупные сколы и обломки отбойников (рис. 6).

Кроме того, примерно в метре на северо-восток от шестигранника был собран уголь из небольшого кострища. Его анализ дал возраст 15 900±120 (AA-36626) – самая древняя дата по памятнику Суворово-IV на сегодняшний день¹⁰. Графические прорисовки находки были впервые опубликованы в монографии по археологическим исследованиям в Приморье¹¹, а затем последовала публикация и цветной фотографии¹².

Предварительный трасологический анализ не выявил на находке следов использования, огня или минеральных красителей. Петрографически материал шестигранника определяется как дацитовый порфир или андезит-дацитовый порфир столбчатой отдельности с гексагональным сечением. Интересно, что у специалистов Новосибирска и Владивостока, проводивших параллельное описание шлифа, совершенно противоположные мнения по вопросу о «естественном» или «антропогенном» характере граничения находки. По утверждению приморских геологов, «месторождения» подобных кристаллов-шестигранников известны специалистам в долине среднего течения р. Зеркальной.

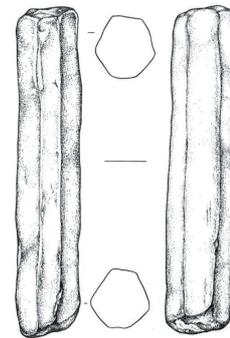

Рис. 5. Памятник Суворово-IV. Шестигранный стержень.

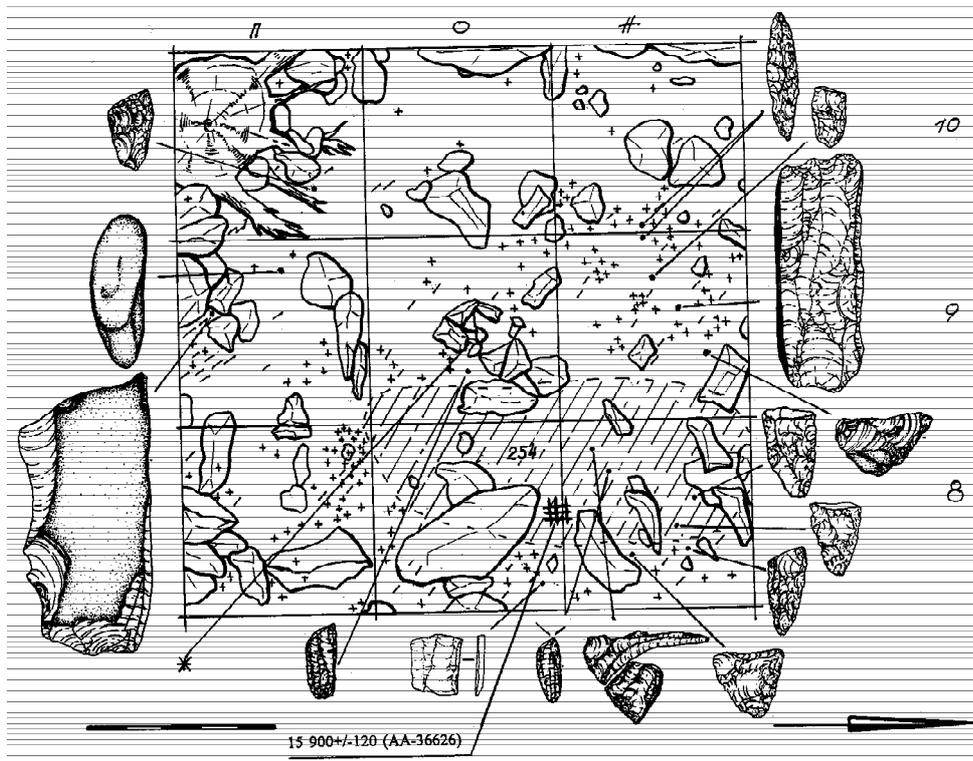

Рис. 6. Памятник Суворово-IV. План расположения находок вокруг шестигранника.

В любом случае, придал ли древний человек камню форму намеренно или принес на место использования в «готовом виде» (т.е. он является естественным по происхождению «манупортом»), очевиден факт его использования в определенном контексте. А именно: 1) в *мобильном (портативном) контексте* – как жезла, шаманской (жреческой) принадлежности, предмета с зашифрованной палеоастрономической информацией и т.д.; 2) в *стационарном контексте* данной стоянки – как знакового символа на месте пребывания финальнопалеолитического человека.

На сегодняшний день нам более предпочтительным кажется второй вариант. Местоположение шестигранника на памятнике Суворово-IV представляется не случайным. Он располагается в пределах самой высокой части стоянки – там, где скальные породы выходят практически на поверхность и перекрыты лишь тонким слоем дерна. Вполне возможно, что в период существования стоянки скальные выходы на этом участке были открыты. В таком случае шестигранник оказывается установленным на наиболее высоком и видном месте и укреплен в вертикальном положении несколькими валунами.

Следующий комплекс был обнаружен в ходе раскопок памятника Богосполь-IV, расположенного ниже по течению на левом берегу р. Зеркальной, примерно в 15 км от памятников суворовской группы. Археологический материал дислоцирован в маломощных (35-40 см) покровных суглинках на обширной площадке на уровне второй надпойменной террасы в выгодной для местонахождения световой и температурной юго-западной экспозиции. Предварительные работы 2000 г. позволили прояснить общую стратиграфическую ситуацию и установить наличие на памятнике материалов нескольких культурных компонент. Наиболее ранняя компонента (до

получения радиоуглеродных дат, предположительно, финальноплейстоценовая – раннеголоценовая в пределах 11-9000 л. н.) выявлена локальными производственными комплексами (рабочими площадками) и перекрывается культуросодержащими линзами с артефактами эпох неолита и палеометалла.

Во время продолжения исследования памятника в 2002 г. недалеко от бровки террасы был обнаружен интереснейший комплекс, состоящий из трех округлых центральных камней и заваленных веером по направлению к реке трех удлиненных камней¹³ (рис. 7, 8).

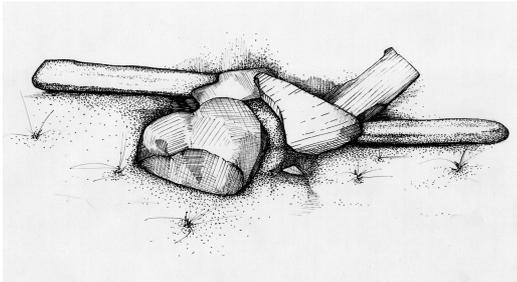

Рис. 7. Памятник Богополь-IV. Комплекс с шестигранником, гальками и бифасом (прорисовка по фотографии). Северо-восточная экспозиция.

Рис. 8. Памятник Богополь-IV. Фото комплекса.

Первый из них – уже знакомый нам по памятнику Суворово-IV шестигранник, только несколько больших размеров (максимальная длина 398 мм). Ширина граней соответственно 13 мм, 46 мм, 37 мм, 29 мм, 40 мм и 41 мм, размер сечения – 70-73 мм. В отличие от суворовского поверхность граней шероховатая, без фиксируемых следов обработки или заполировки. Второй удлиненный камень – речная галька подтрапещиевидной формы с максимальными габаритами 311 на 100 мм. Третий камень – удлиненная четырехгранная окатанная галька с округлым концом длиной 294 мм при ширине граней 53 мм, 37 мм, 50 мм и 41 мм. Как и на шестиграннике, никаких следов обработки, красителей или огня на гальках нет.

Эта композиция значительно сложнее, чем на памятнике Суворово-IV. Совершенно очевидно, что часть камней (скорее всего три удлиненных камня) ранее находилась в вертикальном положении и составляла определенную структуру (композицию) с плоскими камнями. Уже сама по себе она представляется уникальной. Однако полная разборка комплекса выявила еще один сюрприз. На глубине 11 см, точно под центральным камнем, был найден лежащий строго горизонтально, тщательно обработанный бифас асимметричной формы (рыбный нож), изготовленный из характерного для устиновской индустрии зеленоватого кремнистого сланца.

Примечательно и то, что в 7 м от комплекса, строго на север, находится специализированная рабочая площадка по изготовлению таких бифасов. В четко дислоцированном скоплении с 3155 единицами дебитаж, представленного только вторичными мелкими и микроотщепами и чешуйками, были обнаружены 29 обломков бифасиальных заготовок. Единственный целый бифас был преднамеренно помещен в основание комплекса с шестигранником и гальками.

Таким образом, композиции на стоянках Богополь-IV, Суворово-IV и Устиновка-IV представляются нам звеньями односюжетного ритуального комплекса. Набор элементов – вертикально поставленный (возвышенный) центральный символ (принесенный или сделанный), окруженный камнями (или изделиями из камня), установленный на значимом (например, самом высоком) участке памятника – все это свидетельствует о суще-

ствовании определенных территориальных маркеров. К этому следует добавить и явную производственную активность в непосредственной близости от указанных комплексов, концентрацию морфологически выраженных артефактов, следы кострищ.

Представляется очевидным, что данные комплексы играли некую *знаковую роль* на местности, намеренно выделялись (а не скрывались) в определенных микрорельефах.

Безусловно, что ближайшие и наиболее яркие дальневосточные аналогии описанным находкам – это каменные столбы с радиальной каменной обкладкой или каменные столбы с каменными кругами на Японских островах. Они датируются не ранее дзёмонского периода (неолит) и связываются исследователями с достаточно широким диапазоном мифологических и астрономических представлений, которые развивались не протяжении нескольких тысячелетий и продолжают бытовать в современной японской и корейской культурах – культом камней (скал, гор), культом плодородия, культом стихий, культом «хозяев» природы, культом духов-покровителей, соляным культом и т.д.¹⁴.

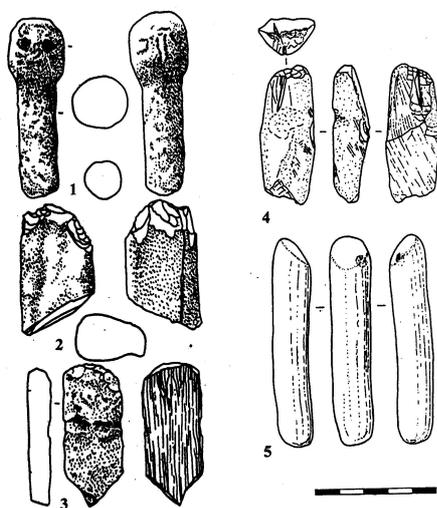

Рис. 9. Предметы с ритуально-культурной символикой на Японских островах. 1 – 3 – стоянка Иватэ; 4 – стоянка Масугата; 5 – стоянка Мусаси (Канто).

Если обратиться к центральному элементу композиции – каменному столбу, то истоки этого символа начинают проследиваться еще в верхнем палеолите Японских островов. Так, неоднократно описывалось одно целое и несколько обломков галечных фигурок со стоянки Иватэ (датируемой от 20 до 16 тыс. лет назад)¹⁵. Х. Харунари в специальной статье, посвященной эволюции фаллических символов по данным археологии, привел находки со стоянок Масугата (преф. Чиба) и Мусаси (район Канто). Самые ранние образцы, по его мнению, появляются около 24–20 000 лет назад¹⁶ (рис. 9).

Исключительно интересная аналогия обнаруживается в материалах культуры Микосиба (13, 5 до 11, 5 – 11 тыс.л.н.), памятники которой известны в основном на о-ве Хонсю (в северной и центральной частях). Эпонимный памятник культуры Микосиба найден в 1958 г. в пределах деревни Минами (преф. Нагано) и исследовался в 1958-1959 и 1968 гг. несколькими небольшими раскопами. Интерес представляет раскоп А (Location A) размерами 6×3 м. Именно на этом участке была собрана наиболее представительная коллекция каменных артефактов (87 экз.), среди которых 9 топоров с частичной пришлифовкой лезвия, 4 ретушированных топора, 18 бифасиально обработанных наконечников, 11 концевых скребков, 8 боковых скребков, 2 отбойника, 2 точильных камня, 10 нуклеусов, 1 пластина, 1 скол с микронуклеуса и 21 отщеп. Сырьем для артефактов служили разноокрашенные сорта обсидиана, риолита, кремнистого сланца, туфа, песчаника, халцедона и яшмы, источники которых находятся на расстоянии от 50 до 150 км от места памятника.

Подавляющая часть артефактов представлена законченными формами. Ни заготовок, ни массового дебитажа, свидетельствующего об изготовлении орудий, в пределах раскопа нет. Более того, в расположении артефактов просматриваются несколько комплексов (кластеров), что стало

причиной самых разнообразных интерпретаций памятника – ритуальный комплекс, погребальный комплекс, клад, жилище и т.д. Органики на памятнике нет, поэтому аргументация версий весьма затруднительна.

Среди находок выделяются эффектные топоры с подшлифовкой и крупные наконечники. Следов использования на лезвиях топоров не зафиксировано, поэтому японские исследователи интерпретируют их как символы престижа и статуса или как подарки. Наконечники представлены тщательно ретушированными лавролистными формами длиной от 25 до 8 см и толщиной не более 1,35 см. Пять из них (четыре из камня, один из черного обсидиана) были обнаружены в компактном залежании (кластером) 25 × 25 см, без сопровождения каких-либо других каменных изделий. В трех метрах от этого кластера также компактно в компании с двумя топорами находился самый крупный наконечник (25,1 × 4,95 × 1,35 см).

Среди находок в комплексе Микосиба (Лос. А) особое внимание привлекает артефакт, интерпретированный японскими специалистами как точильный камень (whetstone): шестигранный стержень из песчаника длиной 20,2 см и максимальной толщиной 4,8 см¹⁷ (рис. 10).

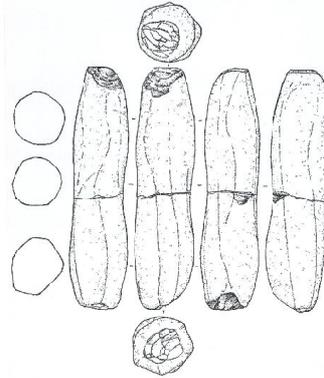

Рис. 10. Японские острова. Стоянка Микосиба А. Шестигранный стержень.

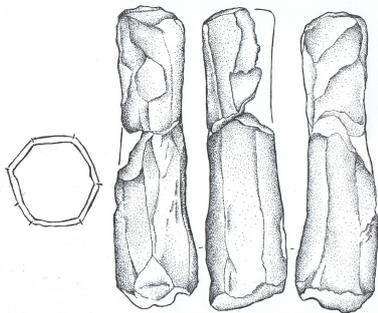

Рис. 11. Японские острова. Стоянка Карасава В. Шестигранный стержень.

Следующая (правда, менее информативная, но не менее интересная) японская находка, привлекающая наше внимание, – артефакт № 35 из коллекции памятника Карасава В. Это – такой же граненый стержень из песчаника (длина – 208 мм, ширина – 58,5 мм, толщина – 60 мм, вес – 552,8 г), сложившийся из двух половинок, одна из которых была найдена в раскопе, другая – на поверхности (рис. 11). Артефакт интерпретируется как точильный камень (grindingstone) и относится ко времени изначального дзёмона – 14-13 тыс. л.н.¹⁸.

Эти артефакты, на наш взгляд, полностью идентичны шестигранникам, найденным в Приморье на памятниках Суворово-IV и Богополь-IV. Напомним, что шестигранник на памятнике Богополь-IV сопровождается бифасиальным изделием, а шестигранник на Суворово-IV найден в трех метрах от участка с высокой концентрацией рубящих орудий (тесел). На этом участке рубящих инструментов найдено больше, чем на всех остальных памятниках устиновской культуры, вместе взятых. Таким образом, есть очевидные аргументы и параллели для ритуальной интерпретации основного комплекса памятника Микосиба.

Интересны наблюдения специалистов и о том, что ранние (палеолитические) образцы фаллической скульптуры могут являться началом типологического ряда, яркими персонажами которого для более позднего (дзёмонского) времени являются каменные палки сэкибо и деревянные столбы. Их символика связывается с культом плодородия, экономическими основами для которого служат возникновение и развитие оседлого образа жизни¹⁹. Имеет право на существование и высказанная ранее возможная

мифологическая увязка такого камня (столба) как средства переправы через водную преграду, известная в японском и корейском изложении мифов о соляных супругах²⁰.

Д.Л. Бродянский, в частности, обращается при этом к материалам среднеземонского памятника Ёскэонэ (преф. Нагано, Хонсю), где пары жилищ сопровождаются фигурками догу, каменными палками сэкибо и каменными столбами. Он интерпретирует женские фигурки догу как прообраз Аматаэрасу, а сэкибо – как символ ее супруга Сусанно (бога ветра). Дополняет триаду каменный столб с кольцевой обкладкой. В контексте японского мифа каменный столб (скала) играет роль одного из средств переправы через пролив (реку).

Сходный сюжет встречается в корейском варианте сказания о Ёно и Сео (Ёно-Ран и Сео-Нё), которых отождествляют с солнцем и луной. Сначала супруг отправляется на берег, где перед ним из воды поднимается скала, на которой он переправляется в Японию. Сео в поисках супруга тоже приходит на берег, становится на скалу, и та также перевозит ее. Несмотря на определенную политическую окраску сюжета, ясно, что он является частью весьма древних представлений о Космосе и Вселенной.

Скала или каменный столб могут также рассматриваться в роли универсального вертикального символа (верхний – средний – нижний миры), представленного в мировых мифологических системах многочисленными макро- (мировая гора, мировое древо, башни, мачты) и микро- (стела, посох, жезл, фаллические предметы и др.) образами.

В связи с суворовским и богопольским «шестигранниками» следует, по нашему мнению, также обратить внимание на три находки из коллекций других памятников российского Дальнего Востока.

Во-первых, это обломок артефакта из мягкого камня из подъемных сборов на памятнике «Фирсанова сопка»²¹. Изделие выполнено на продолговатом (овальном в сечении, диаметр примерно 5,5 см) куске мягкого камня (глинистый сланец).

Оно обломано, и длина сохранившейся части составляет около 11,5 см (рис. 12). На поверхности просматривается слегка затертый сетчатый узор, нанесенный острым предметом (скорее всего, каменным резцом или резчиком). Авторами настоящей работы ранее были высказаны аргументы в пользу интерпретации предмета как «головы змеи».

В пользу этого свидетельствует и характерный узор, повторяющийся узор на голове змеи,

и явно выделяющийся глаз на одной из сторон, да и сам размер изделия, совпадающий с размерами головы амурского полоза – самой крупной змеи региона. Если это так, то перед нами – одно из древнейших материальных подтверждений древности культа змеи на Дальнем Востоке, а также фрагмент артефакта, который мог использоваться в вертикальной ориентации как часть (навершие) жезла или иного ритуального символа.

Во-вторых – уникальное в нашем ряду, но как нельзя лучше сопоставимое с описанным выше изделие из кости (место находки – прибрежный памятник с неолитической раковинной кучей Бойсмана-II, Южное Приморье). Памятник впервые был локализован в 1987 г., с 1991 г. на нем велись стационарные комплексные исследования. За время раскопок памятника там изучены раковинные кучи, жилые комплексы и могильники с индиви-

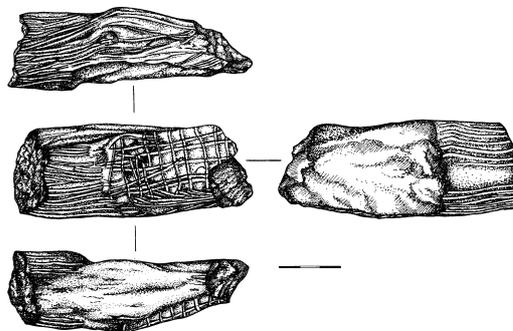

Рис. 12. Памятник Фирсанова Сопка. Обломок камня с гравировкой.

дуальными, парными и групповыми погребениями эпохи голоценового оптимума. Интересующий нас артефакт был обнаружен выше погребения № 3 и может иметь отношение к тризне или постпогребальному ритуалу.

«... Костяная фигурка змеи – фаллоса – трехгранная, в сечении трубчатая кость, эпифиз или подработанное основание обломано. Высота 60 мм, ширина 20 мм. На ребрах линзовидные насечки шириной 3-4 мм, глубиной 1-1,5 мм. Сплошная канавка – желобок шириной 3 мм, глубиной 1,5 мм – отделяет головку змеи (головку фаллоса). Обозначен рот. Тонкими

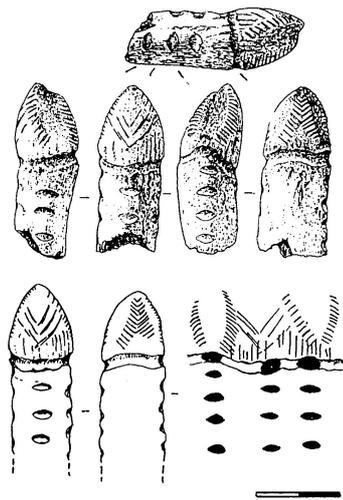

Рис. 13. Памятник Бойсман-II. Прорисовка «змееголового» артефакта; выделение блоков с палеоастрономической информацией (по Д.Л. Бродянскому).

«...Скопление находок культурного слоя, ограниченное приблизительно линиями 9И – 13А, можно рассматривать как единый комплекс. Именно в этом комплексе не только найдена основная часть находок, но и зафиксированы наиболее ценные находки. Относительно небольшое количество отщепов и невыразительных сколов при большом числе нуклеусов, орудий и, главное, наличие культового предмета (?) в центре комплекса, позволяют считать данное скопление находок слоя неординарным. Особое внимание привлекает, несомненно, комплекс находок, включающих культовый предмет, условно названный «жезлом». Жезл найден в квадрате В-11. Вместе с ним залежали торцовый нуклеус и фрагменты гальки, неподалеку зафиксированы изделие и скол с нуклеуса. Впоследствии эти находки стали именоваться как «комплекс с жезлом». Именно вокруг данного комплекса залегают и основные скопления других, наиболее интересных находок стоянки...»²³.

К сожалению, артефакт не реконструирован в полном виде, но типологически, по нашему мнению, комплекс близок к описанным выше комплексам Устиновки-IV и Суворово-IV.

Необычайно широк и круг более поздних этнографических аналогий каменному столбу или стеле, предмету особого почитания. Эти аналогии известны по всему тихоокеанскому северу, у самых различных народов. Приведем лишь одну небольшую цитату из «Описания земли Камчатки» Г.В. Стеллера, вышедшей недавно в новом издании:

резными линиями нанесен на голове узор. Совпадение ширины головы и тулова, узор позволили студентам-биологам определить вид – узорчатый полоз. Эта неядовитая змея обладает способностью принимать угрожающую позу, напоминающую кобру. Насечки и резные линии читаются как календарные. Найдена в кв. Б/4, во II коричневом слое раковин, над погребением № 3 первого могильника, в 20 см восточнее женского костяка...» (рис. 13)²².

В-третьих, это изделие из комплекса памятника Баркасная Сопка-III на Селемдже (Средний Амур), на которое пока мало обращали внимание специалисты. Памятник был обнаружен в ходе разведок в 1984 г. и стационарно исследовался в 1985-1987 гг. Общая площадь трех раскопов составляет 277 м². Памятник трактуется как сезонная стоянка и относится к финальной поре палеолита.

При перечислении находок культурного слоя упоминается «жезл с насечками», на боковых сторонах которого прослеживаются три группы насечек. Далее следует и подробное описание контекста находки:

«...На обширных равнинах и торфяниках они ставят столб, обвивают его травой эхей и никогда не проходят мимо столба, не положив около него куска рыбы, мяса и т.п.»²⁴.

Таким образом, находка шестигранников на памятниках Суворово-IV и Богополь-IV (в совокупности с другими находками) позволяет предположить существование у устиновцев достаточно развитых элементов солнечного культа (комплекс представлений о Вселенной и цикличности природы) уже в пределах финальноплейстоценовой – раннеголоценовой эпох (16 – 9 тыс. лет назад): элементов, которые позднее воплощаются в богатейшей серии мифологических сюжетов и материальных конструкций, произведений искусства и декоративного творчества древних обитателей Дальнего Востока.

Кроме того, комплексы с бифасиальными изделиями и вертикальными символами – явный показатель социальных процессов, которые исследователями связываются с так называемыми обществами «трансэгалитарного» характера²⁴, в которых племенная элита реализует свое особое положение через праздники, ритуалы и церемонии, сопровождающиеся экспонированием высокотехнологичных изделий (в нашем случае – бифасов).

Библиографический список

Абрамова З.А. Древнейший образ человека: Каталог по материалам палеолитического искусства Европы. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – 304 с. (Archaeologica Petropolitana; Труды ИИМК РАН. Т. XXXIV).

Бродянский Д.Л. Антропоморфные мифологические образы в системе артефактов неолита и палеометалла Дальнего Востока // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987. – С. 58–72.

Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл). – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. – 220 с.

Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-IV. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 228 с.

Крупянка А.А. Человек и Камень: эволюция взаимоотношений // Древнее искусство тихоокеанских культур. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1996. – С. 5–10.

Крупянка А.А., Табарев А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Археология и этнография». – Новосибирск, 1996. – С. 68–72.

Крупянка А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск: Сибирское универ. изд-во, 2001. – 104 с.

Крупянка А.А., Табарев А.В. Древности Сихотэ-Алиня. Археология Кавалеровского района. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004. – 76 с.

Крупянка А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. – Луганск: ЧП «Вега», 2005. – С. 91–99.

Лбова Л.В., Табарев А.В. Искусство, культура, ритуал. Происхождение и ранние этапы. Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – 142 с.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №3. – С. 56–69.

Табарев А.В. Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня. Дальний Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 218–224.

Табарев А.В. По следам загадочного танца // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – С. 215–219.

Табарев А.В., Кубан А.А. Черное и красное: обсидиановые бифасы в ритуальных танцах индейцев северо-западной Калифорнии // Открытие Америки продолжается. – Вып. IV. – СПб: МАЭ РАН, 2010. – С. 244–285.

Чан Су Бу. Искусство позднего Дзёмона Хоккайдо // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1978. – С. 173–182.

---

¹ Бродянский Д.Л. Каменный век. Учебное пособие. – Владивосток, 1977; Он же. Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл). – Владивосток, ДВГУ, 2002; Васильевский Р.С., Гладышев С.А. Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск, 1989; Васильевский Р.С., Крупянко А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. – Владивосток, ДВГУ, 1997; Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-IV. – Владивосток, 2000; Крупянко А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск, 2001.

² Крупянко А.А. Человек и Камень: эволюция взаимоотношений // Древнее искусство тихоокеанских культур. – Владивосток, 1996. – С. 5–10.

³ Kelly R.L. The Three Sides of a Biface // *American Antiquity*. – 1988. – V. 53, № 4. – P. 717–734.

⁴ Bahn P.Y. *Prehistoric Art*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 86.

⁵ Крупянко А.А., Табарев А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Археология и этнография». Новосибирск, 1996. – С. 68–72; Табарев А.В. Материалы памятника Фирсанова сопка в Приморье (к проблеме эксплуатации обсидиана в каменном веке) // Проблемы археологии каменного века. – Уссурийск, 1997. – С. 126–136; Табарев А.В. Палеоиндейские клады-тайники Северной Америки // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – № 3. – С. 84–87; Лбова Л.В., Табарев А.В. Искусство, культура, ритуал. Происхождение и ранние этапы. – Учебное пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – 142 с.; Табарев А.В. Дело о спрятанных наконечниках (клады-тайники каменных изделий на территории Северной Америки) // *Stratum plus*. – 2005–2009. – № 1. – Middle Paleolithic: In Search for Dynamics. – С. 300–333; Табарев А.В., Кубан А.А. Черное и красное: обсидиановые бифасы в ритуальных танцах индейцев северо-западной Калифорнии // Открытие Америки продолжается. – Вып. IV. – СПб: МАЭ РАН, 2010. – С. 244–285; Табарев А.В. По следам загадочного танца // Сибирь на перекрестке мировых религий: Материалы IV межрегиональной научно-практической конференции. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – С. 215–219.

⁶ Dyakov V. The Oldest Habitation Site on the West Coast of the Sea of Japan // *Current Research in the Pleistocene*, 1997. – Vol. 14. – P. 20-21.

⁷ Дьяков В.И. Периодизация древних культур Приморья (палеолит – эпоха бронзы): Автореф. ... д-ра ист. наук. – М., 1999. – С. 17.

⁸ Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене. Мезолитическое поселение Устиновка-IV. – Владивосток, 2000. – С. 41–45, 193.

⁹ Крупянко А.А., Табарев А.В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. – Новосибирск, 2001. – 104 с.

¹⁰ Памятник Суворово-IV обладает самой выразительной для палеолита Приморья серией радиоуглеродных дат: 15 105±/–100 (АА-9463), 15 300±/–140 (Ки-3502), 15 340±/–90 (АА-36625), 15 900 ±/–120 (АА-36626).

¹¹ Там же. – С. 28, 79.

¹² Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья. – Владивосток, ДВГУ, 2002. – С. 101.

¹³ Крупянко А.А., Табарев А.В. Ритуальные комплексы с бифасами и шестигранниками в финальном палеолите Приморья // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. – Луганск: ЧП «Вега», 2005. – С. 91–99.

¹⁴ Чан Су Бу Искусство позднего Дзёмона Хоккайдо // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1978. – С. 173–182.

¹⁵ Бродянский Д.Л. Антропоморфные мифологические образы в системе артефактов неолита и палеометалла Дальнего Востока // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987. – С. 58–72; Он же, Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток, ДВГУ, 1987; Деревянко А.П. Палеолит Японии. – Новосибирск, 1984.

¹⁶ Harunari H. Archaeology of Sexual Symbolism in Japan // *Bulletin of the National Museum of Japanese History*. – 1996. – V.66. – P. 69–160.

¹⁷ Табарев А.В. Клады каменных изделий в комплексах изначального дзёмана, Японский архипелаг // Горизонты тихоокеанской археологии. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. –

С. 18–47; Mikoshiha Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period. Shimaki Shoseki Publishing Center, 2008. – 322 p.

¹⁸ Karasawa B Site. A Transitional Lithic Industry of the Late Paleolithic to the Incipient Jomon. – Institute for Cultural Studies of Ancient Chikuma Valley (Honsu). – November, 1998; Kokajihara/Karasawa B sites. Transitional Lithic Industries of the Terminal Upper Paleolithic to the Incipient Jomon. – Archeological Monographs. – Shimae Shoseki Publishing Center, 2009.

¹⁹ Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–69.

²⁰ Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М., 1982; Бродянский Д.Л. Антропоморфные мифологические образы в системе артефактов неолита и палеометалла Дальнего Востока // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987. – С. 58–72; Он же. Введение в дальневосточную археологию. – Владивосток: ДВГУ, 1987.

²¹ Бродянский Д.Л. Каменный век. Учебное пособие. – Владивосток, 1977; Крупяно А.А., Табарев А.В. Графика и пластика в искусстве каменного века Дальнего Востока // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Археология и этнография». – Новосибирск, 1996. – С. 68–72; Табарев А.В. Материалы памятника Фирсанова сопка в Приморье (к проблеме эксплуатации обсидиана в каменном веке) // Проблемы археологии каменного века. – Уссурийск, 1997. – С. 126–136.

²² Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья. – Владивосток: ДВГУ, 2002. – С. 56–57.

²³ Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднелитическая культура. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 30–32.

²⁴ Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский, 1999. – С. 156.

²⁵ Табарев А.В. Престижные технологии, промысловые ритуалы и комплексные общества эпохи камня. Дальний Восток России // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008. – С. 218–224.

Варламова Г.И., Дьяконова М.П.

ОБРАЗЫ СЭВЭКИ И ХЭВКИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И ФОЛЬКЛОРЕ ЭВЕНКОВ И ЭВЕНОВ

Аннотация. Статья посвящена характеристике образов божеств Сэвэки и Хэвки у эвенков и эвенов, составлявших в исторически недавнем времени единую общность – тунгусы. Образы Сэвэки и Хэвки анализируются в эволюции их развития (по этнографическим и фольклорным источникам). Представления эвенов и эвенков об этих божествах имеют как единую основу (это обусловлено древней общностью), так и некоторые отличия, связанные с историческим разделением тунгусов на два этноса.

Ключевые слова: эвены, эвенки, мировоззрение, фольклор, мифы, образ бога, божество, творец.

Первые исследователи языка, этнографии и традиционного хозяйствования эвенов в XIX в. (М.А. Кастрен, А.А. Шифнер, С.К. Патканов, Н.В. Слюнин и др.) не рассматривали эвенов как самостоятельный этнос, вводя их в состав собственно тунгусов – эвенков. Исследователь эвенского языка В.Д. Лебедев, собиратель эвенского фольклора пишет: «Смешение ламутов (эвенов) с тунгусами (эвенками) в прошлом веке и в первой четверти нынешнего /двадцатого – Г.В., М.Д./ века объясняется сходством образа жизни, культуры и языков обеих народностей, а также тем, что эвены не имеют общего самоназвания и в разных районах называют себя по-разному: эвенами, орочами, ламутами, тунгусами, камчадалами»¹. О том же пишет во вступительной части к эвенскому словарю и д.ф.н. А.А. Петров: «Эвены – народ России. В этнографической литературе они